
УДК 94(470)
ББК 63.3(2) 511-68
К 38

Д.С. Кидирниязов,

доктор исторических наук, профессор Института истории, археологии и этнографии Дагестанского НЦ РАН, тел. 8(928)5934284, daniyal2006@rambler.ru

К.З. Махмудова,

кандидат исторических наук, доцент Чеченского государственного университета, тел. 8(928)7380308, e-mail: kemsiz@mail.ru

Стамбульский договор 1724 г. и его значение для кавказской политики России

(Рецензирована)

Аннотация. Рассматривается вопрос, связанный с важнейшим итогом Каспийского похода Петра I — заключением Стамбульского договора 1724 года. Он явился первым международным соглашением Российского государства относительно кавказских земель. Роль договора для Северо-Восточного Кавказа заключалась в том, что отныне регион перестал быть объектом международных соглашений исключительно Сефевидского Ирана и Османской империи. С 1724 года непременным участником таких соглашений становится и Россия. Фактически северокавказские народы включаются в кавказский узел восточной политики России на долгосрочную историческую перспективу.

Ключевые слова: Петр I, Каспийский поход, султанская Турция, Сефевидский Иран, Стамбульский договор 1724 года, Дагестан, Ширванское ханство.

D.S. Kidirniyazov,

Doctor of Historical Sciences, Professor of Institute of History, Archeology and Ethnography of the Daghestan Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, ph.: 8-928-593-4284, e-mail: daniyal2006@rambler.ru

K.Z. Makhmudova,

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of Chechen State University, ph.: 8(928)7380308, e-mail: kemsiz@mail.ru

The Istanbul treaty of 1724 and its implications for the Caucasian policy of Russia

Abstract. The paper discusses the issue of the most important outcome of the Caspian expedition of Peter I — the conclusion of the treaty in Istanbul in 1724. It was the first international treaty of the Russian state concerning the Caucasian lands. The role of the treaty for the North-Eastern Caucasus was the fact that the region has ceased to be the subject of international agreements exclusively of Safavid Iran and Ottoman Empire. Since 1724 Russia has become an indispensable party to such agreements. In fact, the North Caucasian peoples have been included in the Caucasian knot of Russia's Middle East policy for long-term historical perspective.

Keywords: Peter I, Caspian campaign, Sultan Turkey, Safavid Iran, the Istanbul treaty of 1724, Daghestan, Shirvan Khanate.

Каспийский поход 1722 г. ясно показал Петру I, что на Кавказе Российская империя не в состоянии вступить в серьезный вооруженный конфликт

ни с султанской Турцией, ни с Сефевидским Ираном, поскольку без разрешения проблемы Азова и Крыма невозможно было вплотную заняться

решением кавказской проблемы. К тому же Россия не располагала пока для этого необходимыми средствами. Практические шаги российской дипломатии свидетельствуют о том, что правительство Петра I стремилось к нормализации российско-османских отношений, заключению компромиссного мирного договора, призванного утвердить статус-кво в регионе.

Из-за неустойчивости ситуации российско-османские переговоры о разграничении интересов на Кавказе и в Прикаспийских областях продвигались с трудом. Не желая втягиваться в войну с султанской Турцией, Петербург искал мирное решение конфликта, но прочно сохранял занятые позиции, не уступая угрозам султанского двора. 23 декабря 1723 г. российский резидент в Стамбуле И.И. Неплюев при поддержке французского посла де Бонака предложил прекратить военные действия в тех пределах, какими владели обе стороны. Российские войска к тому времени контролировали приморскую часть Северо-Восточного Кавказа, Баку, Энзели и Решт. Турецкий султан, распространивший свою власть на Западную Армению и часть Грузии, согласился направить приказ своим командующим на Южный Кавказ не предпринимать враждебных действий по отношению к российским подданным. Вместе с тем он вновь попытался использовать тактику угроз и шантажа, чтобы заставить российскую сторону отступить. После встреч с английским и австрийским послами в конце года Порта известила И.И. Неплюева, что султанское правительство намерено вести переговоры лишь о тех местах, где находятся русские гарнизоны, остальные же персидские провинции (Астрабад и Мазендеран) оно будет отстаивать силой. По предписанию своего правительства резидент решительно отклонил притязания Порты на переданную России часть Прикаспия. «В таком случае, — ответили ему 2 января 1724 г. — объявляется война» [11].

9 апреля 1724 г. император Петр I сказал И.И. Неплюеву: «Наши интересы... не допускают, чтоб какая другая держава, чья б ни была, на Каспийском

море утвердилась: а что касается Дербента и других мест, в которых наши гарнизоны находятся, то они никогда во владении персидских бунтовщиков, ни лезгинцев, ни Мирвеиза не бывали, а по собственному их письменному и словесному прошению, как-то бывшему при нашем дворе турецкому посланнику, явно доказано: под покровительство наше добровольно отдались; и если Порты в противность вечному миру будет принимать под свое покровительство лезгинцев, наших явных врагов, то тем менее должно быть противно Порте, если мы принимаем под свое покровительство народы, не имеющие никакого отношения к Порте и находящиеся в дальнем от нее расстоянии, на самом Каспийском море, до которого нам никакую другую державу допустить нельзя. Если Порты безо всякой со стороны нашей причины хочет нарушать вечной мир, то мы... к обороне своей... потребные способы найдем» [11].

Жесткая позиция Османской империи в немалой степени объяснялась интригами западноевропейских дипломатов. Дипломаты Англии уверяли великого визира в том, что Россия намерена овладеть всей восточной торговлей, что было невыгодно Османской империи. Если это случится, тогда англичане и другие европейцы выедут из Турции к великому ущербу султанской казны. «Поэтому Порты, — предлагал он визирю, — оружием должна остановить успехи русских на Востоке; и если Порты объявит войну России, то получит денежное вспоможение не только от короля, но и от всего народа английского» [11].

О характере «дружеского» посредничества де Бонака И.И. Неплюев сообщил Петру I, что французский посол требовал, «дабы Ваше Величество соизволили войскам своим повелеть от границ турецких ретироваться, яко татары от того имеют подозрение и Порте внушают» [2]. В другой реляции он отмечал, что «от французского посла помочи ни в чем не имел... но паче приговаривал мне с великим приотягчением, дабы я по турецкому желанию к трактату склонился» [2].

Не без влияния европейских держав султан продолжал упорствовать, отказываясь от своих недавних предложений. В Петербурге также предупредили английского резидента, что «царь не потерпит более, чтобы какая бы то ни была держава предписывала ему законы, как Англия делала это прежде и пытается делать снова». Все же России и Османской империи удалось достичь соглашения. Непреклонная позиция российского правительства подвигла Ибрагима-пашу при очередной встрече с И.И. Неплюевым на решение уступить Российской империи Каспийское побережье до слияния рек Аракс и Кура. С новыми предложениями султанской Турции в Петербург был направлен специальный курьер, который привез положительный ответ в начале мая. Несмотря на негативную реакцию европейских держав, переговоры завершились заключением 12 июня 1724 г. в Стамбуле трактата о разделе сфер влияния на Кавказе.

Центральное место в договоре занимал вопрос о Ширване, который должен был представлять собой особое ханство ширванских лезгин во главе с Хаджи-Даудом Мюшкюрским [3]. Об этом, в частности, говорится в статье I: «Понеже лезгинцы, которые в Ширванской провинции будучи мусульманского закона, востребовали протекцию и быть в подданстве высокой Порты, того ради и высокая Порта в свою протекцию их приняла, и определила ханом их называемого Дауда, которого снабдя дипломом на то чин назначила ему для управления места Шемаху» [9]. Правда, договаривающиеся стороны границы этого ханства сильно урезали, прикаспийские районы вместе с городами Баку и Дербентом отходили по договору к России: «Подлежащая оному нация границы свои иметь будет по определению обеих сторон, а именно: надлежит имея добрые и исправные часы среднюю езду ехать, и когда тамо приедут, надлежит сколько часов езды от Шемахи до берега Каспийского моря будет, то на 3 равные части разделить или расположить и зачать от моря в том месте, где 2 трети будут, знак постав-

лен быть иметь; а третья треть, которая с Шемахинской стороны будет, да будет под властью высокой Порты во владении помянутого хана; а те 2 трети, которые к Каспийскому морю под властью... царя находится, от берега моря внутрь по земле прямо и среднюю езду ехать 22 часа езды, и тамо знак надлежит поставить...» [9].

По существу, Ширванскому ханству отводилась роль буферного государства между двумя империями, о чем недвусмысленно свидетельствует статья II: «...Вместе с тем, было «постановлено, чтоб в том месте, где... сошлись тройные границы позволено... да будет Высокой Порте... граничную крепость построить... равным образом позволено... царю на своей границе также свою крепость построить...» [9].

Кроме того, договор признавал за Россией владения, принадлежавшие ей ранее, области, переданные ей шахским Ираном по Петербургскому договору, а также часть земель по Самуру, считавшихся под протекцией Сурхай-хана. К султанской Турции переходили бывшие иранские владения в Азербайджане (кроме Ардебилля), Грузии, Армении и часть западных областей Ирана [9]. В Дагестане под власть султана отходили Ахты, Рутул, Цахур и часть лезгинских земель, считавшихся под покровительством Сурхай-хана.

В январе 1724 г. резиденту И.И. Неплюеву в Стамбуле в ультимативной форме предложили принять турецкие условия относительно Ирана. Отказ последнего вызвал формальное объявление войны, вскоре, однако, отложенной. В сложившихся условиях правительству Петра I стало ясно, что Россия в этом регионе не может вступить в серьезный вооруженный конфликт с Портой без предварительного разрешения проблемы Азова и Крыма. Иллюзии относительно того, что Кавказ может стать удобным театром военных действий в случае военного противоборства с Османской державой, быстро развеялись.

Основательные дипломатические переговоры в Стамбуле привели, в конце концов, к заключению русско-

турецкого мирного договора от 12 июня 1724 г. (Стамбульский мир) [9]. Россия пошла на этот мир с целью недопущения выхода осман на Каспийское море и закрепления своих новых границ на Кавказе. Тем самым ликвидировалась угроза войны с Портой, выиграть которую в тех условиях было весьма проблематично.

Согласно статьям Стамбульского договора, впервые за всю историю международных отношений Россия стала равноправным участником кавказских дел. Стамбульский договор был первым международным соглашением русского государства относительно кавказских земель. Кавказская территория была разделена на сферы влияния [8; 9]. Если в XVI-XVII вв. Кавказ, в том числе и Дагестан, являлся объектом международных соглашений исключительно Сефевидского Ирана и Османской империи, то, начиная с 1724 г. неизменным участником подобных соглашений становится и Российская империя.

Прикаспийские (точнее прибрежные) районы Северного Кавказа и частично Ирана в первой четверти XVIII в. оказались включенными в состав государственных границ России. Однако вопрос о собственно «Дагистане» (под которым стороны понимали земли от Каспия до границ Кабарды, следовательно, и Чечню) в соглашениях стран-победительниц остался незафиксированным. Обе стороны обошли его молчанием. Речь шла только об узкой прикаспийской полосе.

По мнению И.И. Неплюева, Стамбульский договор 1724 г. был успехом российской дипломатии. Оценивая итоги достигнутого соглашения, он сообщал императору: «Турки от Ардебиля отступили и от Мир Вейза (Мир Махмуда – Д.К., К.М.) про позиции не принимать постановили... И за Вашим Величеством подтвердили все то, как Вашему Величеству от шаха Тахмасиба уступлено. А в Ширване от Баку до единения рек Аракса и Куры, а против Шемахи от моря две трети земли, а против Дербента на двадцать-тридцать часа. А Дагистаны все осталось Ваше-

му Величеству, и ничего о тех народах в трактате не поминано» [2]. Примечательно и то, что когда в 1735 году Россия возвращала Ирану, возрожденному полководцем Надиром, занятые ранее земли, «которые же, прежде всего, надлежали иранскому государству: Дагестан, шамхал, уцмии и прочие народы, оные да пребудут со всеми принадлежащими к ним местами попрежнему в стороне иранского государства». На протест султанской Турции по этому вопросу Россия ответила, что «как древние российские подданные, никакой другой державе» уступлены не будут, кроме как Ирану.

Однако некоторые статьи российско-османского соглашения, принятые Портой по рекомендации французского дипломата де Бонака, были сформулированы так, что предполагали их трактовку каждой из сторон в свою пользу, сохраняя почву для разжигания погашенного конфликта. Стамбульский договор 1724 г. открывал долгосрочные перспективы для реализации геостратегических целей на Кавказе как для султанской Турции, так и для России в ущерб интересам местных народов.

Цена противодействия османско-крымскому экспансионизму на Кавказе была конечно огромна, но она наверняка, была бы выше, если бы император Петр I не сумел закрепить достигнутые Россией успехи на юге Стамбульским договором 1724 г., главным итогом его восточной политики.

Правительство Петра I, опираясь на антииранские настроения южнодагестанских народов стремилось их подчинить себе.

Значимые особенности присутствовали в характере петровской политики относительно восточных территорий. Главная цель в этот период — расширение торговых связей с Ираном посредством экспорта шелка в Россию через Южный Дагестан и Дербент. В этой связи было важно сохранение с Сефевидским Ираном более чем двухвековых политических и экономических отношений и недопущения здесь другого влияния

В условиях борьбы против иранского владычества и противодействия

экспансионистским устремлениям османской Турции в политической жизни Дагестана становится более определенной ориентация на Россию и безусловно заключение Стамбульского договора усиливало эту тенденцию.

Персидским походом завершается большая эпоха в политической истории Северного Кавказа и в особенности северо-восточной ее части, и им же открывается новая. Османская Турция, несмотря на состоявшийся раздел сфер влияния на Кавказе, не прекращала попыток утвердиться на Тереке. Она продолжала считать народы Северо-Восточного и Центрального Кавказа подвластными султану.

На дипломатических переговорах с Россией, настойчиво утверждала, что «яко де наши подданные...на пред сего бывали под протекцией Порты», турки намеревались построить крепости «близ Кабарды и Чечни», а также в Дарьяльском ущелье [8]. В свою очередь, и русское правительство обсуждало проекты создания укрепления «близ чеченцев у Теплых вод». Было обращено внимание на «народы в том ущелье (Дарьял — Д.К., К.М.) живущие», то есть на ингушей и осетин, с целью использования их для противодействия османам.

Новые территории предстояло хозяйственно освоить и получать с них доходы. Особенно увлекала Петра I надежда прибрать к рукам шелковое дело, сулящее огромные прибыли.

О намерении российского императора организовать переселение русских, а также вообще христиан в Гилян и Мазандеран говорят источники. В сентябре 1724 г. Петр I указал ген. А.В.Румянцеву, отправившемуся на разграничение российско-турецкой границы на Южном Кавказе: «Понеже путь вам или близ чрез Армению будет, также и в Грузии много армян, того ради, сколько возможно старайтесь их подговаривать, чтоб они шли в Гилян и в другие тамошние места жить и, ежели оне многим числом будут, мы персоф будем высылать и им места где оные жили, отдавать...» [1].

10 ноября 1724 г. смертельно больной российский царь Петр I принял

делегацию армян и в тот же день подписал указ к воинским начальникам на Каспии. Они были обязаны принимать всех переселявшихся армян, предоставлять им удобные земли «и отдавать им в городах и селах те дворы и пожитки, которые пусты, также и тех из магометан, которые явились в какой противности, или на которых какое подозрение есть, тех выводить вон, а их места занимать оными христианами» [5].

Итак, в 1724 г., накануне смерти, Петр I разрабатывал широкую, впечатляющую программу колониального освоения оккупированных территорий. Но уже тогда он думал и о новых завоеваниях, особенно в направлении Южного Кавказа. Однако этим грандиозным планам уже не суждено было сбыться, в начале 1725 г. Петр I скончался.

Спустя год после смерти Петра I в ходе переговоров с великим визирем султана Турции И.И. Неплюев твердо настаивал на том, что «Россия не может допустить к Каспийскому морю никакой другой державы, не может также допустить и Персию до падения: давно уже мы твердим Порте, что Россия считала и считает эти два пункта главными» [4].

Таким образом, в середине 20-х гг. XVIII в. российская дипломатия исходила из того, что в случае присоединения кавказских провинций шахского Ирана к Османской империи Россия от Черного до Каспийского морей фактически будет граничить только с Портой, вследствие чего лишится выхода одновременно к двум морям. Допустить это — значило поставить Российское государство перед невиданной ранее геополитической опасностью на Юге, противодействие такому развитию событий потребовало только одного — восстановления внешнеполитических позиций Персии в северокавказском регионе. Однако Сефевидский Иран сумел преодолеть внутривосточный кризис лишь в начале 30-х г. XVIII в., а до тех пор необходимо было удерживать Прикаспийские провинции за Россией. Современник описываемых событий ген. Г. Манштейн, находившийся

долгое время при российском дворе, в своих записках отмечал: «Двор российский с особливим удовольствием давно искал хорошего случая с честью избавиться от завоеванных Петром I в Персии областей, которые по причине погибшего там великого числа людей, стоили содержанием гораздо больше, нежели приносили пользы» [7]. Действительно, по подсчетам Е. Зевакина российское правительство получило от прикаспийских провинций за 1723–1731 гг. доход в сумме 386 669 руб., что не покрывало даже годового расхода на содержание войск [6]. «Россия, — писал Г. Манштейн, — должна была содержать в тех областях (Прикаспийских провинциях) почти до 30 000 человек оберегательного войска, и ни одного года не проходило, чтоб не дополнять оное более половины; ибо россияне не могли привыкнуть к тамошнему воздуху, умирали... Считают, что с 1722 года, как Петр I занял те области своими войсками, до тех пор, пока русские оттуда вышли, погибло 130 000

человек» [7]. И.-Г. Фоккеродт также считал неблагоприятный климат и высокие расходы главными факторами, предопределившими решение российского правительства о передаче оккупированных территорий в Прикаспии шахскому Ирану [12]. Цена противодействия османо-крымскому экспансионизму на Кавказе конечно огромна, но она наверняка, была бы выше, если бы император Петр I не сумел закрепить достигнутые Россией успехи на юге Стамбульским договором 1724 г., который стал главным итогом его восточной политики.

Следует подчеркнуть, что к середине 20-х годов XVIII в. четко обозначается противоборство в Северо-Восточном регионе Кавказа уже не двух, а трех империй, которое нарастало все столетие.

По мере осознания стратегической значимости Кавказа в борьбе за выход в Черное море нарастали и усилия России в расширении союзно-вассальных отношений с народами и государственными образованиями на ее территории.

Примечания:

1. АВПРИ. Ф. Сношения России с Персией. Оп. 77. 1725 г. Д. 104.
2. АВПРИ. Ф. Сношения России с Турцией. Оп. 89. 1724 г. Д. 6. Ч. 2.
3. Алиев Ф.М. Азербайджано-русские отношения (XV-XIX вв.). Баку, 1985, Ч. I.
4. Анисимов Е.В. Время петровских реформ. Л., 1989.
5. Бутков П.Г. Материалы для новой истории Кавказа с 1722 по 1803 гг. Ч. 1. СПб., 1869.
6. Зевакин Е.С. Прикаспийские провинции в эпоху русской оккупации XVIII в. // Известия общества обследования и изучения Азербайджана. Баку, 1927. №5.
7. Манштейн Г. Записки исторические, гражданские и военные о России с 1727 по 1744 год. М., 1823. Ч. 1.
8. Материалы международной научно-практической конференции «Геополитические интересы России на Кавказе: опыт реализации и проблемы» (23 апреля 2009 г.). Дербент, 2009.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собр. 1. Т. VII. СПб., 1830.
10. Русско-дагестанские отношения XVII — первой четверти XVIII вв. Махачкала, 1958.
11. Соловьев С.М. История России с древнейших времен. Кн. 9, т. 18. М., 1993.
12. Фоккеродт И.-Г. Россия при Петре Великом // Неистовый реформатор. М., 2000.

References:

1. AVPRI. F. Relations between Russia and Persia. Op. 77. 1725. D. 104.
2. AVPRI. F. Relations between Russia and Turkey. Op. 89. 1724. D. 6. P. 2.
3. Aliyev F.M. Azerbaijan-Russian relations (the XV-XIX centuries). Baku, 1985. P. I.
4. Anisimov E.V. The time of Peter's reforms. L., 1989.
5. Butkov P.G. Materials for the modern history of the Caucasus from 1722 to 1803. P.1. SPb., 1869.
6. Zevakin E.S. Near-Caspian provinces in the epoch of Russian occupation of the XVIII century // The news of the society of Azerbaijan's investigation and study. Baku, 1927. No. 5.
7. Manstein G. Historical, civil and military notes on Russia from 1727 to 1744. M., 1823. P.1.

---

8. Materials of the international scientific and practical conference «Geopolitical interests of Russia in the Caucasus: experience of realization and problem» (April 23, 2009). Derbent, 2009.

9. Complete collection of laws of the Russian Empire. Coll. 1. V.VII. SPb., 1830.

10. The Russian-Dagestan relations of the XVII — the first quarter of the XVIII centuries. Makhachkala, 1958.

11. Solovyov S.M. History of Russia since the most ancient times. Book 9, v. 18. M., 1993.

12. Fokkerodt I.-G. Russia under Peter the Great // A violent reformer. M., 2000.